

«И все же такой женщине,
как вы, нечасто суждено со-
впасть на земле с таким мужчи-
ной, как я».

Джозеф Конрад

В ноябре 1928 года Армандо де Троэе отправился в Буэнос-Айрес сочинять танго. Он мог себе позволить такое путешествие. Сорокатрехлетний автор «Ноктюрнов» и «Пасодобля для Дон Кихота» пребывал в зените славы, и не было в Испании иллюстрированного журнала, где не появилось бы фотографий композитора об руку с красавицей женой на борту трансатлантического лайнера «Кап Полоний» компании «Гамбург-Зюд»¹. Самым удачным вышел снимок в журнале «Бланко и негро» под рубрикой «Высший свет»: на палубе первого класса стоит чета Троэе; муж (в английском макинтоше на плечах, одна рука — в кармане пиджака, в другой — сигарета) шлет прощальную улыбку собравшимся на пирсе; жена кутается в шубку, и светлые глаза, мерцающая из-под элегантной шляпы, обретают, по восторженному мнению автора подтекстовки, «восхитительную золотистую глубину».

Вечером, когда еще не скрылись из виду береговые огни, Армандо де Троэе переодевался к ужину, не-

¹ «Гамбург-Зюд» (полное название — Hamburg Südamerikanische Dampfschiffahrts-Gesellschaft) — германская судоходная компания, основанная в 1871 году.

много промешкав со сборами из-за приступа легкой, но не сразу унявшейся мигрени. Однако он настоял, чтобы жена дожидалась его не в каюте, а в салоне, откуда уже доносилась музыка, сам же с присущей ему обстоятельностью еще сколько-то времени перекладывал сигареты в золотой портсигар, прятал его во внутренний карман смокинга, а по другим рассовывал все необходимое для вечернего бдения — золотые же часы с цепочкой и зажигалку, два тщательно сложенных носовых платка, коробочку с таблетками пепсина, бумажник крокодиловой кожи с визитными карточками и мелкими купюрами для чаевых. Потом погасил верхний свет, закрыл за собой дверь в каюту люкс и, принаравливая шаг к мягкому покачиванию палубы, пошел по ковровой дорожке, приглушавшей гул машин, которые содрогались и грохотали где-то глубоко внизу, в самых недрах огромного корабля, увлекая его в атлантическую тьму.

Прежде чем пройти в салон, откуда навстречу ему со списком гостей уже спешил метрдотель, Армандо де Троэе отразился в большом зеркале холла крахмальной белизной манишки и манжет, глянцевитым лоском черных туфель. Вечерний костюм, как всегда, подчеркивал хрупкое изящество его фигуры — композитор был среднего роста, с правильными, но невыразительными чертами лица, которым придавали привлекательности умные глаза, выхоленные усы и вьющиеся черные волосы, кое-где уже тронутые ранней сединой. Мгновение Армандо де Троэе чутким ухом профессионала ловил, как ведет оркестр мелодию меланхолического нежного вальса. Потом улыбнулся, слегка и снисходительно — исполнение было верным,

хоть и не более того, — заложил руку в карман брюк, ответил на приветствие мэтра и двинулся следом за ним к столику, зарезервированному на все время плавания в лучшей части салона. Знаменитость узнавали, провожали пристальными взглядами. От неожиданности и восхищения затрепетали ресницы красивой дамы с изумрудами в ушах. Когда оркестр начал следующую пьесу — еще один медленный вальс, — де Троэье усаживался за стол, на котором под недвижным пламенем электрической свечи в стеклянном тюльпане стоял нетронутый коктейль с шампанским. С танцевальной площадки, то и дело заслоняемая вертящимися в вальсе парами, улыбалась композитору его молодая жена. Мерседес Инсунса де Троэье, появившаяся в салоне на двадцать минут раньше, кружилась в объятиях статного молодого человека во фраке — профессионального танцора, по долгу службы, по судовой роли обязанного занимать и развлекать пассажиров первого класса, путешествующих в одиночку или оказавшихся без кавалера. Улыбнувшись в ответ, Армандо де Троэье закинул ногу на ногу, с несколько преувеличенной придиричивостью выбрал сигарету и закурил.

1. ЖИГОЛО

В прежние времена у каждого из подобных ему была тень. Он был лучшим. Безупречно двигался на пятачке дансинга, а за его пределами был несуетлив, но проворен, всегда готов поддержать разговор уместной фразой, остроумной репликой, удачным и своевременным замечанием. Это обеспечивало расположение мужчин и восхищение женщин. Он зарабатывал на

пропитание бальными танцами – танго, фокстрот, вальс-бостон – и когда говорил, не знал себе равных в умении пускать словесные фейерверки, а когда молчал – навевать приятную меланхолию. За долгие годы успешной карьеры у него почти не случалось осечек и промахов: любой состоятельной женщине вне зависимости от возраста трудно было отказать ему, где бы ни устраивалась вечеринка с танцами – в залах «Паласа», «Ритца», «Эксельсиора», на террасах Ривьеры или в салоне первого класса трансатлантического лайнера. Он принадлежал к той породе мужчин, которые по утрам во фраке сидят в кондитерской, пригласив на чашку шоколада прислугу из того самого дома, где накануне вечером она подавала ужин после бала. Он обладал таким даром или свойством натуры. Однажды, по меньшей мере, случилось ему спустить в казино все до нитки и вернуться домой без гроша, стоя на площадке трамвая и с напускным безразличием нахвистывая: «Тот, кто банк сорвал в Монако...» И так элегантно умел он раскуривать сигарету или завязывать галстук, так безупречно были всегда отглажены сверкающие манжеты его сорочек, что взять его полиция осмеливалась не иначе как с поличным.

– Макс.

– Слушаю, хозяин.

– Можете отнести вещи в машину.

Играя на хромированных частях «Ягуара Марк X», солнце Неаполитанского залива режет глаза точно так же, как прежде, когда под его лучами ослепительно вспыхивал металл других автомобилей, сам ли Макс Коста водил их или кто другой. Так, да не так: и это тоже переменялось неузнаваемо, и даже былой тени

не найдешь нигде. Он смотрит себе под ноги и, более того, чуть сдвигается с места. Без результата. Он не может точно сказать, когда именно это случилось, да это и неважно, в сущности. Тень ушла со сцены, осталась позади, как и многое другое.

Сморщившись — то ли в знак того, что ничего не попишешь, то ли просто от того, что солнце бьет прямо в глаза, — он, чтобы отделаться от мучительного ощущения, накатывающего на него всякий раз, когда ностальгии или тоске одиночества удастся разгуляться всерьез, старается думать о чем-нибудь конкретном и насущном: о давлении в шинах при массе полной и массе снаряженной, о том, плавно ли ходит рычаг переключения скоростей, об уровне масла. Потом, протерев замшевой тряпочкой посеребренного зверя на радиаторе и вздохнув глубоко, но не тяжело, надевает серую форменную тужурку, сложенную на переднем сиденье. Застегивает ее на все пуговицы, поправляет узел галстука и лишь после этого неторопливо поднимается по ведущим ко главному входу ступеням, по обе стороны которых стоят безголовые мраморные статуи и каменные вазы.

— Не забудьте саквояж.

— Не беспокойтесь, хозяин.

Доктору Хугентоблеру не нравится, когда прислуга называет его «доктором». В этой стране, часто повторяет он, плюнешь — не в *dottori* попадешь, так в *cavalieri* или *commendatori*¹. А я — швейцарский врач.

¹ Принятое в Италии вежливое обращение к человеку, окончившему университет (*dottore*); высокому высокоименному правительственных наград (*commendatore*) или занимающему высокое положение в обществе (*cavaliere*).

Это серьезно. И я не желаю, чтобы меня принимали за одного из них — за племянника кардинала, за миланского промышленника или еще за кого-то подобного. А к самому Максу Косте все обитатели виллы в окрестностях Сорренто обращаются просто по имени. И это не перестает удивлять его, потому за жизнь он успел поносить много имен: в зависимости от обстоятельств и требований момента — с аристократическими титулами и без, изысканных или самых простонародных. Но вот уже довольно давно, с тех пор, как тень его помахала платочком на прощанье — как женщина, что исчезает навсегда в клубах пара, заволакивающего окно спального вагона, а ты так и не понял, сейчас ли она скрылась из виду или уже давно начала двигаться прочь, — он зовется своим собственным, настоящим именем. Взамен тени вернулось имя: то самое, что до вынужденного, относительно недавнего и в известной степени естественного уединения, отмеренного тюремным сроком, значилось в пухлых досье, собранных полицейскими в половине стран Европы и Америки. Так или иначе, думает он сейчас, ставя в багажник кожаный саквояж и чемодан «Самсонит», никогда, никогда, как бы солоно ни приходилось, даже вообразить было невозможно, что на закате дней своих будет говорить «слушаю, хозяин», отзываясь на свое крестное имя.

— Поехали, Макс. Газеты положили?

— У заднего стекла, хозяин.

Хлопают дверцы. Усаживая пассажира, он надевает, снимает и снова надевает форменную фуражку. Сев за руль, кладет ее на соседнее сиденье и с давним неизбывным кокетством смотрится в зеркало заднего вида,

прежде чем поправить седую, но еще пышную шевелюру. И думает, что эта фуражка как ничто другое подчеркивает невеселый комизм ситуации и метит тот бессмысленный берег, куда житейские волны выбросили его после гибельного кораблекрушения. Но тем не менее всякий раз, когда в своей комнате на вилле он бреется перед зеркалом и, как шрамы, оставленные страстями и битвами, считает морщины, у каждой из которых есть имя — женщины, рулетка, рассветы неопределенности, полдни славы или ночи неудач, — он ободряюще подмигивает своему отражению, словно в этом рослом и пока еще вовсе не дряхлом старике с темными усталыми глазами узнаёт давнего и верного сообщника, которому ничего не надо объяснять. В конце концов, фамильярно, немного цинично и не без злорадства говорит ему отражение, просто необходимо признать, что в шестьдесят четыре года, да с такими картами на руках, что в последнее время сдает тебе жизнь, просто грех жаловаться. В схожих обстоятельствах другим — Энрико Фоссатаро, например, или старому Шандору Эстерхази — пришлось выбирать, обратиться в благотворительную службу социального призрения или смастерить удавку из собственного галстука и минутку подергаться в ванной комнате убогого гостиничного номера.

— Что там слышно в мире? — говорит Хугентоблер.

С заднего сиденья доносится вялый шелест перелистываемых страниц. Это не вопрос, а скорее комментарий. В зеркало Макс видит опущенные глаза хозяина, сдвинутые на кончик носа очки для чтения.

— Русские еще не сбросили атомную бомбу?

Хугентоблер, разумеется, шутит. Швейцарский юмор. Когда доктор в духе, он любит пошутить с прислугой — может быть, потому, что у него, человека холостого, нет семьи, которая посмеется его остроумию. Макс раздвигает губы, обозначая учтивую улыбку. Сдержанную и, если смотреть издали, вполне уместную.

— Ничего такого особенного: Кассиус Клей выиграл очередной бой... Астронавты «Джемини XI» вернулись домой целыми и невредимыми... Разгорается война в Индокитае.

— Во Вьетнаме, хотите сказать?

— Да-да. Во Вьетнаме. А из местных новостей — в Сорренто начинается шахматный матч на приз Кампанеллы: Келлер против Соколова.

— Господи боже... — говорит Хугентоблер с рассеянным сарказмом. — Ах-ах-ах, какая жалость, что я не смогу присутствовать. Чем только люди не занимаются...

— Да уж...

— Нет, вы только представьте — всю жизнь пялиться на шахматную доску. Непременно повредишься в рассудке. Вроде как этот Бобби Фишер.

— Ну да.

— Поезжайте по нижней дороге. Время есть.

Скрип гравия под шинами стихает — «Ягуар» выехал за железную ограду и медленно катит по бетону автострады, обсаженной оливами, мастиковыми и фиговыми деревьями. Макс мягко притормаживает на крутом повороте — и вот за ним открывается тихое сияющее море, против света похожее на изумрудное стекло, силуэты пиний, домики, лепящиеся на склоне горы, и Везувий по ту сторону залива. Позабыв на миг о присутствии пассажира, Макс поглаживает руль, все-

цело отдавшись удовольствию от вождения, благо две точки расположены во времени и в пространстве так, что можно слегка расслабиться. Врывающийся в окно ветер напоен медом, и смолой, и последними ароматами лета — в здешних местах оно всегда сопротивляется смерти, простодушно и ласково сражаясь с листками календаря.

— Чудесный день, Макс.

Моргнув, он возвращается к действительности и снова поднимает глаза к зеркалу заднего вида. Доктор Хугентоблер, отложив газеты в сторону, подносит ко рту гаванскую сигару.

— В самом деле.

— Когда вернусь, все будет уже совсем иначе.

— Будем надеяться, что нет. Всего три недели.

Вместе с клубом дыма Хугентоблер испускает невнятное бурчание. Этому краснолицему благообразному человеку принадлежит санаторий в окрестностях озера Гарда. Своим состоянием он обязан богатым евреям, просыпавшимся посреди ночи от того, что приснилось, будто они по-прежнему — в лагерном бараке, снаружи доносится лай караульных собак и ээсовцы сейчас поведут в газовую камеру. Хугентоблер вместе со своим партнером, итальянцем Баккелли, в первые послевоенные годы лечил их, помогал забыть об ужасах нацизма и избавиться от кошмарных видений, а по окончании курса рекомендовал совершить поездку в Израиль, организуемую дирекцией, и присылал астрономические счета — благодаря им он и может теперь содержать дом в Милане, квартиру в Цюрихе и виллу в Сорренто с пятью автомобилями в гараже. Вот уже три года Макс водит их и отвечает за

техническое состояние, а также следит, чтобы все было в исправности и порядке на вилле, где, кроме него, служат еще садовник и горничная — супруги Ланца из Салерно.

- Прямо в аэропорт не надо. Проедем через центр.
- Слушаю, хозяин.

Скользнув беглым взглядом по циферблату «Фестивалы» на левом запястье — часы в корпусе поддельного золота идут верно, а стоят дешево, — Макс вливается в редкий поток машин, мчащих по проспекту Италии. Действительно, времени более чем достаточно, чтобы доктор на моторном катере успел добраться из Сорренто на другой берег, минуя все извивы и повороты дороги, ведущей в аэропорт Неаполя.

- Макс.
- Да, хозяин?
- Остановите у Руфоло и купите мне коробку «Монтекристо № 2».

Трудовые отношения между Максом Костой и будущим работодателем были урегулированы мгновенно, с первого взгляда, которым психиатр окинул претендента, тотчас потеряв интерес к лестным — и наверняка лживым — рекомендациям его предшественников и соперников. Хугентоблер, человек практического склада, свято уверенный, что профессиональное чутье и житейская опытность никогда не подведут и помогут разобраться в особенностях «*condition humaine*»¹, решил, что стоящий перед ним элегантный, хоть и несколько потасканный человек с открытой, почтитель-

¹ Условия человеческого существования (*фр.*); здесь — «природа человеческая».

ной и спокойной манерой держаться, с благовоспитанной сдержанностью, сквозящей в каждом жесте и слове, есть олицетворение порядочности и приличий, воплощение достоинства и компетентности. И кому же, как не ему, верить попечение о том, чем так гордится доктор из Сорренто, — великолепную коллекцию автомобилей, в которой имелись «Ягуар», «Роллс-Ройс Silver Cloud II» и три антикварные диковины, в том числе и «Бугатти 50Т-купе». Разумеется, Хугентоблер и вообразить себе не мог, что в былые времена его нынешний шофер сам раскатывал в машинах не менее роскошных — собственных или чужих. Будь сведения швейцарца полнее, он пересмотрел бы, пожалуй, свои воззрения и счел бы нужным подыскать себе колесничего с наружностью менее импозантной и с биографией более заурядной. И сочтя так, просчитался бы. Ибо всякий, кто сведущ в оборотной стороне явлений, понимает: люди, потерявшие свою тень, подобны женщинам с богатым прошлым, подписывающим брачный контракт: не бывает жен вернее — они знают, чем рискуют. Но, разумеется, не Макс Коста просвещать доктора Хугентоблера по части мимолетности теней, порядочности потаскух или вынужденной честности тех, кто был сначала жиголо, а потом так называемым воров в белых перчатках. Впрочем, белыми они оставались не всегда.

Когда моторный катер «Рива» отваливает от дебаркадера «Марина Пиккола», Макс Коста еще несколько минут стоит, опершись на ограждение волнолома и глядя вслед суденышку, скользящему по голубому клинку залива. Потом развязывает галстук, снимает фор-